

Поражение Франции в войне создало новую внешнеполитическую ситуацию. Франция, капитулировавшая перед Германией и Италией 22 июня 1940 г., перестала быть партнером Турции по англо-франко-турецкому пакту о взаимопомощи 1939 г. Несмотря на то, что этот договор не утратил силу, превратившись в двусторонний англо-турецкий пакт, как и было предусмотрено в договоре, Турция вновь отказалась выполнять его условия. Согласно договору, в случае распространения войны на район Средиземного моря Турция должна была выступить на помощь союзникам. Однако турецкое правительство решило не вступать в войну, ссылаясь на протокол № 2 данного договора (1), гласившего, что обязательства, принятые на себя Турцией, не могут принудить Турцию к действию, результатом или последствием которого будет вовлечение ее в вооруженный конфликт с СССР.

По мнению советских историков, ссылка турецких руководителей на протокол № 2 была надуманна, т. к. СССР не имел никакого отношения к военным действиям на Средиземном море (2). Однако турецкий исследователь Ш. Эсмер объясняет влияние политической линии СССР на нежелание Турции вступать в войну тем, что с самого начала войны Советы проявляли недовольство по отношению к действиям Турции. «Турция старалась не провоцировать «северного соседа», но не могла быть уверенной в том, что СССР не начнет против нее военные действия в случае возникновения войны на Западе» (3).

Были и другие поводы для отказа Турции выполнять свои обязательства. Турецкие историки отмечают, что не были осуществлены поставки вооружений, обещанных Турции в договоре 1939 г. А оставшаяся в одиночестве после выхода из войны Франции Англия, по мнению турок, не могла помочь Турции. И. Сойсал утверждает, что Советский Союз также не желал вступления Турции в войну, т. к. если бы державы «оси» оккупировали Турцию, это могло создать угрозу с юга для СССР (4). Кроме того, турецкое правительство считало, что, оставаясь вне войны, страна обладала большей стратегической важностью, т.к. ограждала от германской угрозы Сирию, Суэцкий канал и весь Аравийский полуостров. Приняв это во внимание, Англия не стала настаивать на том, чтобы Турция вступила в войну.

Можно сказать, что на решение Турции остаться вне войны повлияли, прежде всего, военные успехи Германии и недостаточный, с точки зрения турецкого правительства, уровень готовности страны к участию в войне. «Советская оговорка» же была использована скорее как предлог для отказа выполнять обязательства по договору с Англией и Францией, поскольку

ку вооруженный конфликт между Турцией и СССР в тот момент вряд ли мог возникнуть.

В то же время в отношении Советского Союза к Турции сохранялось недоверие, вызванное, как заявил Молотов итальянскому послу Россе 25 июня 1940 г., стремлением Турции “диктовать Советскому Союзу свои условия на Черном море путем единоличного хозяйничанья в проливах” (5). Рассеять эту атмосферу недоверия пыталась Англия, т.к. английское руководство опасалось, что Турция “может в случае ухудшения своих отношений с Россией и при отсутствии эффективной британской поддержки застраховать себя в отношениях с Германией” за счет Англии (6). Английскому послу в Анкаре Нэтчбул-Хьюджессену было поручено выяснить перспективы улучшения отношений между Турцией и СССР. Посол сообщил в Лондон, что Турция заинтересована в том, чтобы совместно с Советским Союзом задержать германское продвижение на Балканы и к Черному морю, но СССР должен сделать первым шаг к сближению с Турцией. 1 июля во время беседы с послом Великобритании в СССР Криппсом Сталин заявил, что отношения у Советского Союза с Турцией “неплохие”, но турки “так много играют в политику и так много выкидывают неожиданных фокусов, что трудно угадать, чего они хотят”. Сталин охарактеризовал советско-турецкие отношения как хорошие “постольку, поскольку мы не собираемся нападать друг на друга”. Он признал, что отношения с Турцией нуждаются в улучшении, добавив, что если Великобритания имеет намерения приложить усилия в этом направлении, советское руководство не будет возражать (7).

В начале июля 1940 г. возникло новое обстоятельство, осложнившее советско-турецкие отношения. Немецкие газеты опубликовали документы из захваченных французских архивов, в которых говорилось о подготовке Англией и Францией бомбардировок советских нефтяных районов в Закавказье и о готовности турецкого министра иностранных дел Сараджоглу поддержать эти действия западных союзников Турции. Эта акция была предпринята для того, чтобы спровоцировать конфликт между Турцией и СССР. В такой ситуации, как отмечает Ш.Эсмер, оставшаяся в одиночестве Турция могла бы, как Румыния, сблизиться с “осью”. По мнению турецкого историка, опубликование этих документов было осуществлено Германией также для того, чтобы добиться отставки Сараджоглу, которого считали другом Англии (8). Одновременно стали распространяться слухи о подготовке советского нападения на Турцию.

В Советском Союзе германские публикации, естественно, вызвали негативную реакцию. Несмотря на опровержение, сделанное французским послом Массигли, Турция была поставлена в весьма трудное положение. Давая объяснения по поводу опубликованных документов, Сараджоглу указал, что из этих документов видно, что союзники не обращались к туркам с прямыми предложениями, а лишь “прощупывали” их и убедились,

что уговорить их нельзя (9). Турецкий посол Актай также заявил, что Турция непричастна к планам Англии и Франции напасть на советское Закавказье, аргументируя это заверениями в лояльной позиции Турции в отношении СССР. Актай заявил: “Если бы Турецкое правительство дало повод Англии и Франции хотя бы к малейшей надежде на согласие Турции принять участие в войне против СССР, то Англия и Франция сразу напали бы на Советский Союз. Только благодаря лояльности Турецкого правительства это нападения не имело места. Более того, Англия и Франция даже никогда не решались испрашивать нашего согласия на такую акцию”.

На VII сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. Молотов заявил, что документы, опубликованные в германской “Белой книге”, “бросают особый оттенок на некоторые аспекты чрезвычайной активности в Турции”, но при этом счел нужным подчеркнуть, что “в наших отношениях с Турцией не произошло существенных изменений” (10). Таким образом, германская дипломатия не добилась возникновения прямого советско-турецкого конфликта, однако в отношениях между СССР и Турцией создавалась тяжелая атмосфера недоверия. Обе стороны заявляли о своем желании улучшить отношения, при этом советское правительство постоянно указывало, что напряженность была вызвана действиями Турции, а турецкое руководство заявляло о своей непричастности к французским и английским планам нападения на СССР. Однако в Москве считали, что, поскольку со стороны Советского Союза ничего не было сделано, чтобы ухудшить советско-турецкие отношения, именно турецкое правительство должно предпринять какие-то шаги, чтобы рассеять атмосферу недоверия в отношениях с СССР. В свою очередь советское руководство заверяло, что с его стороны затруднений для улучшения отношений не встретится (11).

Расширение гитлеровской агрессии вызывало у Турции большое беспокойство, которое обусловило, по оценке полномочного представителя СССР в Турции С.А. Виноградова, стремление турок создать впечатление о наличии исключительно дружественных отношений между СССР и Турцией. Фактически, несмотря на заверения в стремлении поддерживать самые сердечные отношения, по мнению Виноградова, турецкое правительство не намеревалось добиваться решительного перелома в отношениях с Советским Союзом. Из беседы с послом Турции Актаем, состоявшейся 17 октября 1940 г., после его возвращения из Анкары, Молотов также сделал вывод, что словесное выражение дружеских чувств, очевидно, не отражает действительного отношения турецкого правительства к СССР (12).

В то же время Турция пыталась выяснить позицию, которую занимал СССР по отношению к ней, и то, как эта позиция могла бы измениться в будущем. 28 октября 1940 г. Италия напала на Грецию. Однако Турция снова уклонилась от оказания помощи. 30 октября во время беседы турецкого посла в СССР Актая с заместителем наркома иностранных дел

А.Я. Вышинским по поводу итало-греческого конфликта Актая сообщил, что правительство Турции “приняло решение принять все необходимые меры к тому, чтобы оказать сопротивление противнику, как только возникнет какая-либо опасность и независимо от прямой агрессии. Посол заявил, что турецкое правительство обращается к правительству СССР с просьбой сообщить, сможет ли советское правительство оказать помощь Турецкой Республике в случае возникновения опасности для Турции или военного конфликта; в какой форме, в каких размерах и в какой срок оно сможет оказать эту помощь”.

В ответе советского правительства выражалось “некоторое недоумение” в связи с постановкой такого вопроса, поскольку “между Советским правительством и Турецкой Республикой не существует пакта взаимопомощи, который бы обязывал СССР или Турцию оказывать друг другу военную или иную помощь”. Фактически советское правительство ограничилось весьма обтекаемым ответом: “в этом вопросе многое будет зависеть от обстановки в ближайшем будущем, которая еще не достаточно ясна”. Заключительная же фраза заявления – “поведение Советского Союза не будет таким, каким было поведение политических кругов Турции во время советско-финляндского конфликта” – создавала впечатление неприязни СССР по отношению к Турции. И хотя Вышинский заявил, что этот ответ “нужно рассматривать не как доказательство отсутствия благожелательного отношения СССР к Турции, а наоборот, как доказательство дружественного отношения”, данный ответ оставил явно неприятное впечатление у турецкой стороны и отнюдь не способствовал сближению двух стран.

1. Olaylarla Türk Dış Politikası. Cilt: 1 (1919 - 1973). Ankara, 1982. S. 154.
2. Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948. С. 202; Новейшая история Турции. М.: Наука, 1968. С. 175.
3. Olaylarla... s. 153.
4. Soysal İ. Tarihçeleri ve Açıklamaları ile Birlikte Türkiye'nin Siyasal Andlaşmaları. – 1. cilt (1920 - 1945) – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989. s. 595.
5. Документы внешней политики: В 23 т. Т. XXIII: В 2 кн. М.: Международные отношения, 1995. Кн. 1. С. 374.
6. Цит. по: Чевтаев А.Г. Разработка Англией и Германией планов военно-политической борьбы в Восточном Средиземноморье (июнь – сентябрь 1940) // Политика Великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Свердловск, 1979. С. 82.
7. ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 397.
8. Olaylarla... S. 154.
9. ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 420.
10. Цит. по: СССР и Турция, 1917 - 1979. М.: Наука, 1981. С. 163.
11. ДВП. Т. 23, кн. 1. С. 496 – 498.
12. ДВП. Т. 23, кн. 1. С. 668.
13. Документы внешней политики: В 23 т. Т. XXIII: В 2 кн. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1998. С. 21.
14. Там же. С. 22-23.